

ЛИДИЯ СЫЧЁВА

ЖЕНИТЬБА И СЕМЬЯ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

К дню семьи

1. История вопроса

В 2011 году в интервью журналу “VIP-Premier” наш президент Владимир Путин назвал национальной идеей “сбережение народа”, процитировав Александра Солженицына. В 2014 году Патриарх Кирилл заявил, что “идеалом, общенациональной идеей” России является святость. И, наконец, уже в феврале 2015 года Владимир Путин, в ходе встречи с предпринимателями, входящими в Клуб лидеров, заявил: “У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма”. И строго добавил: “Для этого нужно сознание, и постоянно об этом нужно говорить, на всех уровнях...”

Но это тем, чьи дети живут за границей, надо напоминать про патриотизм “постоянно”, мы же, здешние, и так не забудем – чай, дома, не в гостях.

И теперь – о главном.

Наша национальная идея есть СЕМЬЯ, а стало быть – и ЖЕНИТЬБА. Да-да, женитьба, женитьба и ещё раз женитьба! Дело это хоть и естественное, но не для всех возможное, о чём и написал в своё время Гоголь. Надворный советник Иван Кузьмич Подколёсин с ужасом размышляет: “На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя, и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего – всё кончено, всё сделано...” У страха глаза велики, и жених “делает ноги” – выпрыгивает в окно, дабы отсрочить судьбоносное решение.

Русская классическая литература и так, и эдак исследует эту тему. “Час моей воли пришёл: не хочу учиться, хочу жениться”, – прямо заявляет матери Митрофанушка в “Недоросле” Фонвизина. Напомним, что модернизация от Петра I насильственно прививала молодёжи западные ценности эпохи Просвещения, а результатом данной политики стало “Горе от ума” – “головное” воспитание дворян. И вот уже появляются такие типажи, как Чацкий. В пьесе Грибоедова все коллизии крутятся вокруг женитьбы – увы, не сбывшейся.

В “Евгении Онегине”, энциклопедии русской жизни, главный герой грезит о женитьбе с Татьяной как о недостижимом счастье, а она отвечает ему: “...но я другому отдана...” Зато Лермонтов в “Песне про царя Ивана Васильевича...” рисует нам идеальные отношения в семье купца Калашникова. Правда, дело было в далёком прошлом, во времена Домостроя, а на Кавказе возможно и другое развитие событий: прекрасную Тамару соблазняет Демон, разбивая уже назначенную свадьбу.

В “Анне Карениной” Толстого самые любимые читателями страницы, усада сердцу – про счастливую женитьбу и семейную жизнь Константина Левина. А вот у Достоевского, чтобы возвыситься до национальной идеи, героям “Преступления и наказания” нужно пройти искушение ложными теориями, преступить заповеди “не убий”, “не прелюбодействуй”, “не кради”, изведать духовную пытку и каторгу. Демона, в конце концов, Родион Раскольников и Соня Мармеладова побеждают, но какой ценою!..

Ложное образование затемняет у разночинной молодёжи главные смыслы. То ли дело люди от сохи: как тут не вспомнить счастливое семейство Прокла Севастьяныча из поэмы Некрасова “Мороз, Красный нос”?! Увы, женщина, даже если она “коня на скаку остановит”, в одиночку бессильна перед жестокостью жизни. Красавицу Дарью уносит стихия в образе Мороза-воеводы. В деревне – не в городе! – без мужика не выживешь!..

Вокруг женитьбы как русской идеи кипят идеологические битвы и литературные споры. Тургенев в “Отцах и детях” рисует нам нигилиста Евгения Базарова. Женитьба друга Аркадия для него – измена идеалам: “Для нашей горькой, бобыльной жизни ты не создан”. Ну, конечно, для того ли он женился?! А вот в романе “Что делать?” Николая Чернышевского “особенный человек” Рахметов отвергает любовь, чтобы построить в России новую жизнь.

От дворянства мечты о революционном спасении человечества перекидываются на другие социальные группы. Рабочий Павел Власов из романа Горького “Мать” сознательно отказывается от личного счастья и семьи “для дела”. Этот типаж “монахов в миру” привлекает жаждущую истины молодёжь своей новизной (неважно, что идеи ложные, главное – они свежие, *нетрадиционные*).

Сэкономленную от женитьбы и семьи жизненную энергию революционеры направляют на разрушение общественного строя и государства. Наступает 1917 год.

В советское время литераторам, прямо скажем, было не до женитьбы – все силы забирала борьба с врагом внутренним и внешним. От названий знаковых произведений эпохи бросает в дрожь: “Разгром” (Александр Фадеев), “Как закалялась сталь” (Николай Островский), “Хождение по мукам” (Алексей Толстой), “Железный поток” (Александр Серафимович), “Цемент” (Фёдор Гладков). “Гвозди бы делать из этих людей // Крепче б не было в мире гвоздей”, – подытоживает Николай Тихонов в своих стихах. Но могут ли “стройматериалы” вступать в брачные отношения? Вопрос риторический.

Идея женитьбы в русской литературе приходит в величайший упадок. Далеко от России, на юге Франции, пишет “Тёмные аллеи” Иван Бунин, и общий смысл сборника чувственных рассказов таков: жениться-то надо было на другой!.. А Михаил Шолохов живописует разрушение, казалось бы, незыблемой скалы – казачьей семьи. В финале “Тихого Дона” Григорий Мелехов у разбитого корыта: ни страны, ни семьи, ни жены.

Теперь, чтобы жениться, русскому человеку нужно пройти через “Котлован” (Андрей Платонов), “Горячий снег” (Юрий Бондарев) или уцелеть в местах не столь отдалённых, описанных в “Колымских рассказах” Варлама Шаламова. Но задел был велик, и воля к жизни взяла своё.

Да-с, выжили, и пора возвращаться к “Привычному делу” – то есть к женитьбе. Правда, сватовство, с которого начинается известная повесть Василия Белова, заканчивается конфузом, но дрейф к национальным первоосновам – очевиден. Между прочим, главный герой повести, Иван Африканыч Дрынов, отец девяти детей. И тут самое время напомнить: а благодаря чему русские стали русскими, то есть одним из самых больших народов Европы? Ну, точно не из-за марксизма, либерализма или нищезанятия. И потому, когда поэт Александр Яшин оказался “свадебным генералом” на торжестве, он был весьма травмирован несоответствием высоты национальной идеи и её воплощением в современности. Ужас, во что превратилась женитьба!.. Так появился художественный очерк “Вологодская свадьба”.

Хорошо ли, плохо ли, но народ стал потихоньку братья за старое и входить в привычную колею, отсрочив на неопределённое время “построение коммунизма”. Женитьба всё-таки понятней русскому человеку, и никакой “диктатуры пролетариата” в этом деле не надо. Однако же у тех, кого называли “советской нацией”, кто считал, что они выше быта и умней природы, продолжало зудеть и свербеть неутолённое честолюбие. Из-за океана Александр Солженицын одарил тёмные народные массы статьёй “Как нам обустроить

Россию”. Космополитическая интеллигенция, завороченная духом колбасных прилавков загнивающего Запада, поднапряглась, рванула изо всех “Огоньков” и с величайшим энтузиазмом затащила воз российской истории в очередную трясиину бездумных реформ и революций.

Наступил 1991 год. СССР пал.

В литературе восторжествовали новые “маяки”: жрицы похоти, торгующие телом за валюту. “Народные артисты” слагали гимны блудницам. Олег Газманов так и пел: “Путана, путана, путана, / Ночная бабочка, ну, кто же виноват...”

Солженицын стал отрещиваться от сутенёров и попытался скорректировать курс: мол, настоящее обустройство России – это, оказывается, не бордель, а “сбережение народа”.

Ишь, ты! Звучит благостно. Но солженицынское запоздалое озарение сильно отдаёт нафталинным брежневским Политбюро и геронтологическими домами призрания. Идея “камеры хранения” – утешительная морковка для тех, в ком огонь желаний давно угас. То ли дело – ЖЕНИТЬБА и, как следствие, – крепкая СЕМЬЯ! В нашей настоящей национальной идее есть задор и азарт молодости, энергия действия, правда жизни, созидательный смысл. И, между прочим, никакого разврата или агрессии. Наоборот: в цене верность, честь, целомудрие, домовитость, нежность, серьёзность.

Пусть читатель сам подумает и уяснит, чем идея женитьбы отличается от многоженства, материнского капитала, почитания культа предков, шведской семьи, однополых браков и пр. **Женитьба – это наше всё, это расцвет личности и созидание жизни, это новые ветви на родовом древе, это сила и мощь государства, это доминанта мужественности и ответственности, это устремлённость к центральным смыслам бытия.**

Женитьба ставит мужчину в обществе на должную высоту – хозяина, руководителя, защитника семьи, она позволяет ему состояться как личности, полностью раскрыть свои способности. Это совсем не та роль, что достаётся ему в так называемом “гражданском браке” (сожительстве) – развратника, альфонса, приживалы или спонсора, но в любом случае – не созидателя жизни, а её прожигателя.

Ещё Константин Леонтьев справедливо замечал, что фамильность и семейственность в России слабы и нуждаются в укреплении. Государственность наша дважды в прошлом веке – в 1917 и 1991 годах – подвергалась сокрушительным ударам и всё-таки возродилась благодаря запасу положительно заряженных народных “атомов”. Нигилистам и даже троцкистам-безбожникам не удалось создать мощного реактора по расщеплению культурного ядра. Традиция устояла.

Ныне же мы видим грамотную, кропотливую, многолетнюю, систематическую работу по разрушению самой сердцевины народной души, по внедрению в неё и укоренению там совершенно чужеродных, самоубийственных программ поведения.

Вместо любви – секс (ну, это, примерно, как ваучер в перестройку), вместо женитьбы – ни к чему не обязывающий “гражданский брак”, вместо детей – иномарка и телевизор. И это уже считается нормой! А впереди – нетрадиционные семьи, ювенальные юстиции, право однополых пар на усыновление, разрешение на инцест, суррогатное размножение и прочий “прогресс”. Разрушительные “сексбомбы” соседствуют с высокоточным информационным оружием – приучением населения к милым и безобидным “иным” мужчинам и женщинам.

Женитьба как идея последовательно дискредитируется. Кто у нас главные женихи в России (а после – мужья и отцы)? Максим Галкин и Филипп Киркоров. Масс-медиа называют их переходящую “жену” Аллу Пугачёву Примадонной, то есть первой девой. Вся догматика и практика порока – телесного и духовного – много лет, методично, изо дня в день внедряется в сердца и умы людей.

Что же позволяет “модераторам” процесса навязывать огромной стране самоубийственные программы поведения? Вопрос интересный, а ответ на него, как нам думается, нужно искать в пропорциях существования культуры и индустрии развлечений в современной России.

С начала “холодной войны” и до времён “перестройки” СССР пребывал за “железным занавесом”. Массовая культура этого времени не была потребительской, советская автаркия воспитывала созидателей, и пусть это был обеднённый, приспособленный под конструкции марксизма-ленинизма идеал, но всё-таки он не рассматривал человека как “одноразовое изделие”.

Слом советской политической системы позволил не только перекроить экономическую модель страны, превратить её из технологической державы в топливно-сырьевой придаток Запада, но и принципиально изменить процессы управления умами и сердцами. Национальная культура (начиная от эстрады и заканчивая литературой) была загнана в дальний угол, а индустрия развлечений заняла командные высоты. Технологии – вплоть до лицензий телепередач, шоу, кинофильмов, поп-звёзд, гей-парадов – все завозные и многократно опробованные в “цивилизованных странах”.

Напомним, что в культуре даже читатель или зритель всегда созидатель, со-творец, возделывающий свой внутренний мир. В индустрии развлечений иная ситуация: здесь человек пассивен, он потребитель “хлеба и зрелищ”, и даже художник тут – лишь придаток огромной машины масс-медиа, пиара и моды. Попытки деятелей культуры “встроиться” в механизм с целью овладения им бессмысленны – такой путь неизбежно приводит к “перемалыванию” художника, к популизму, конформизму и перерождению личности. Настоящее творчество есть истина, и она не совместима с компромиссом.

Для Запада форматирование “человека потребляющего” стратегия даже более эффективная, чем спаивание или наркотизация аборигенного населения, не говоря уж о прямом военном вторжении. Главная цель этой “мягкой” технологии – заменить народ России безродно-бесполоыми “торговыми единицами”, которые будут грезить по хамону с пармезаном и услаждаться концертами Макаревича вместо Чайковского. **Люди с уничтоженным “культурным стержнем” амбивалентны – у них нет твёрдых убеждений, они не только не готовы умирать за родину, для них, извините за напоминание, даже женитьба – задача неподъёмная.** Зачем же лезть в семейное ярмо, если на свете столько нетрадиционных удовольствий и все надо попробовать?! Уж лучше взять кредит, купить айфон и утоляться на порносайтах...

Итак. Свободные отношения, гордо называемые “гражданским браком”, навязывают доверчивой молодёжи масс-медиа в союзе с индустрией развлечений. Эта идея рождена и проводится в жизнь людьми ущербными и дисгармоничными, у коих нарушены пропорции между телесным, нравственным и умственным содержанием. Идея бытового разврата не только вредная, но в ней есть ещё что-то невыразимо затхлое, антиэстетичное и пошлое. Такой тип отношений, кстати, больше унижает мужчин, неспособных взять на себя ответственность за семью, чем женщин.

Вот почему молодая, горячая, счастливая и животворная идея частной жизни, идея ЖЕНИТЬБЫ для построения крепкой СЕМЬИ должна вернуться в нашу жизнь. Как это сделать? Задача непростая: отдавать “рынок сбыта” – человеческие души – никто без боя не собирается. Тема отдельная, требующая серьёзного разговора. Ну, а сказанного, надеюсь, достаточно, чтобы повнимательнее присмотреться к работе современных зомбо-механизмов, отнимающих у человека путь к самому себе.

2. Женитьба и замужество у нас и на Западе

“Во, открытие! – иронизировали мои оппоненты после знакомства с вышенаписанным. – А чего ж ты, интересно, замужество не воспела? Под эту концепцию тоже можно подвести “базу” из русской литературы”.

Ну, во-первых, про замужество я уже высказалась – в сборнике рассказов “Уже и большие замуж повыходили”. А во-вторых, единственная страна, которая имеет женскую литературу мирового масштаба и влияния, это, конечно, Англия. Не потому ли англосаксы правят миром, что их национальная идея – замужество? России, заметим, мировое владычество не нужно; мы и без мира – мир.

“Джен Эйр”, “Грозовой перевал”, “Гордость и предубеждение”, “Разум и чувства”, “Мэнсфилд-парк”, “Доводы рассудка” – произведения, любимые читателями многих стран. Героини этих романов не только выражают идеал англосаксонской национальной жизни, но и программируют её будущее – до тех пор, пока у сестёр Бронте и Джей Остин будут поклонники и почитатели. Прибавим сюда “Унесённых ветром” Маргарет Митчелл – энергичный характер главной героини имеет сугубо фамильный вектор. Для сравнения: в популярной советской пьесе Константина Тренёва “Любовь Яровая” жена по “идейным соображениям” отдаёт мужа на съедение молоху революции...

Фамильность у англосаксов сильна, и потому весь мир для них – своя “вотчина”, за которую они “в ответе” (вот и американцы упирают на мессианское служение, которое, мол, и заставляет их “страдать за человечество” в Ираке и в Афганистане, в Ливии и в Сирии); в общем, они “пасут народы”, взирая на них, как на неразумных подростков, кои не доросли в осознанных формах вроде литературы даже до такой простой идеи, как замужество. Фамильность англосаксов – это Диккенс с “Оливером Твистом”, Марк Твен с “Гекльберри Финном”, Клайв Льюис с “Хрониками Нарнии”, Джон Толкин с “Властелином колец”, Лаймен Баум со “Страной Оз”, Джоан Роулинг с “Гарри Поттером”... В детской литературе они тоже законодатели мод – и дело тут не только в пиаре. Детская тема – логичное развёртывание идеи замужества, коей Россия похвастать не может. Потому Запад и смотрел на нас, как на неведомую бездну, тьму, где клокочет “народное варево” вроде Пугачёвского бунта. И вдруг, в XIX веке, на “ужасном Востоке”, словно из мифического Хаоса, рождаются безусловные титаны – Толстой и Достоевский.

Русская литература – наш подарок миру, оправдание бытия. В сущности, литература не должна “творить грёзы”. Эту “самонадеянность художника”, будто он умнее “массы” и может вести народ в светлое будущее, гениально описал Александр Фадеев в романе “Разгром”. Главный герой – Левинсон, – вооружённый передовым учением, завёл партизанский отряд в болото. Прямо-таки провидческая метафора! Гений – не поводёр, а всего лишь “эхо” русского народа. Но эхо – это не примитивное бытописание (“как в жизни”), не “натуральная школа”, не “новый реализм”, а величайшая концентрация энергии творения. В общем, этот акт сопоставим по своему волнительному и вдохновенному накалу с женитьбой, но никак не напоминает “работу в творческих Союзах”. (Можно ли, кстати, создавать национальные идеи “чиничим способом” – помогая, поддерживая и раскручивая? Отчасти да. В этот путь очень верят либералы, которые пиная государство на каждом углу, всё время лезут к нему в карман.)

И всё же, несмотря на “русские вершины” в литературе, объективно говоря, наши национальные свершения весьма скромны (вспомним классическое наследие Древней Греции и Рима, итальянское Возрождение, французское Просвещение, немецкую философию, византийскую государственность). Но для нас они вполне достаточны. Духовных богатств нам хватает, главное – не менять их на “стеклянные бусы” колонизаторов.

И тут возникает вопрос: а почему у нас нет женской литературы и нет должной фамильности? Что же мы, глупей англичан?! Не факт. И, тем не менее, воздействие на умы отечественной женской литературы ничтожно. Скажем больше: литература больших идей, выраженных женщинами, в России отсутствует. Может, она и томится где-то “под спудом” или в малотиражном издании, но миру пока не явлена. А если мы обратимся к русской словесности XX века, то вообще затруднимся с мета-текстами, где дан образ женщины, на которой бы захотелось жениться! Ну, разве что Аксинья в “Тихом Доне”, так ведь она и без того замужем!..

Нет, не положительного героя не хватает русской литературе (эту беду мы, в общем, можем пережить), а “гения чистой красоты”, светлого образа невесты. Искусственное конструирование “тургеневской барышни” ничего, кроме умножения лжи, не даст; чтобы пушкинская Татьяна вновь явилась в русскую жизнь, должен быть запрос на верность. Будут женихи – появятся и невесты. И, опять же, при всей демократичности устройства нашей бытовой и литературной жизни, опыт былого подсказывает: только мужское творчество может нам дать и большие идеи, и мета-тексты. Потому попытки “угнездить” на вершинах отечественного литературы Дину Рубину и Людмилу Улицкую изначально обречены на неудачу. Кстати, в их творчестве нет ничего женского – и это совсем не комплимент.

Великое литературное произведение может быть создано только как выражение великой народной жизни; только поправив дела “на земле”, можно подумать и о небесном; только укрепление нравов, традиции (не показное, а реальное), только сокращение болтовни во всероссийском масштабе (уважаемые мужчины, берегите свою энергию для других, творческих дел!) может создать среду для появления шедевров. В развратном теле не может быть высокого духа. Но и этого мало, мало и таланта, потому что великое литературное произведение есть чудо художественности, рождённое большой стихией – любовью к жизни.